

Собольников Валерий Васильевич

Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и специальной психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, vsobolnikovis@gmail.com, Новосибирск

АРХЕТИПИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ БИНАРНОСТИ КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩЕГО ПРИНЦИПА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы архетипического обоснования деструктивности человека на основе такого структурообразующего принципа, как бинарность. Показывается вероятностная связь между архетипами и деструкцией в контексте теории К. Г. Юнга, Дж. Хиллмана и др. с целью выявления психологического механизма формирования. Предпринимается попытка расширить научное представление о феномене деструкции на основе ряда авторских концептуальных положений. Выявление архетипических праформ на основе принципа бинарности как имманентного подтекста обеспечивает вероятностное выделение их деструктивных оппозиций. Изменения внутреннего мира под влиянием архетипической криминальной символики сопровождается при условии актуализации адекватным содержанием смыслов и поведения деструктивного характера. Это может привести к глубоким трансформациям личности, значительным самоизменениям и осознанию внутренних интеллектуальных механизмов и психики в целом. Новое направление юридической психологии рассматривается как потенциальная возможность при анализе проблем мотивационной детерминации криминального поведения деструктивной личности и непроизвольной регуляции высших форм деструктивного поведения.

Ключевые слова: психология деструктивности, бинарность, архетип, концептуальные положения, криминальная символика, криминальный мир, смысловая природа, рефлексия, ментальная репрезентация.

В последние годы психологический феномен деструкции в бытие человека и общества приобрел исключительную значимость в качестве одной из проблем юридической психологии. Деструктивное поведение субъекта в криминальном дискурсе в зависимости от характера содержания и структурных компонентов способствует не только институционализации криминальных технологий и ценностей криминальной субкультуры, но и их консервации. Любые проявления деструкции в противоправном поведении и потребность предупреждения обуславливают их поиск в «подвалах бессознательного». Обращение к иррациональной психической основе деструктивного поведения обусловлено потребностью изучения фундаментальных атрибутов [9], например таких, как архетипические базисные модели и ряда других, что актуализирует рассматриваемую нами проблему.

Вероятностный анализ данной проблемы становится возможным в рамках разрабатываемой нами парадигмы о психической природе деструкции человека, базирующейся на

значениях в понимании К. Г. Юнгом либидо как силы, направленной как на созидание, так и разрушение [14]. Концептуализация такого подхода позволяет создать модель исследования, построенную на ряде допущений:

- а) мир человека представляет собой структуру в виде дифференцированного и фиксированного единства различий созидательного и разрушительного контента;
- б) бинарность как имманентная основа является универсальным принципом, выступающим системообразующим фактором генезиса, функционирования и проявления деструктивности в деятельности человека;
- в) архетипически-функциональные особенности психики при актуализации ее латентного содержания в процессе интеграции архетипа и защитной системы распознают и реализуют отбор разрушительных смыслов;
- г) человеку под влиянием разрушительных архетипов, по причине своего духовного и психического несовершенства, присущи формирование деструктивного сознания и реализация разрушительного поведения, которое можно свести к набору стереотип-

ных специфических поведенческих реакций или действий;

д) эффективным средством изучения психологии деструктивности могут стать различные диады архетипов, отражающие естественным образом запрограммированный природой инвариант.

Мифологическое восприятие как элемент когнитивной деятельности человека, имеющее в основе интуитивное стремление раскрыть неизведанное, продуцирует специфические акты его взаимодействия с миром [5]. В отличие от мифологического, рационалистический подход исключает элементы «волшебства» и позволяет уложить знания в непротиворечивую и понятную схему. В то же время в науке утвердилось мнение, что «не существует двух форм мышления у человечества, одной пралогической, другой – логической, отделенных друг от друга глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе» [4, с. 8] и сознании. В основе этого мнения находится признание бинарности как структурообразующего принципа мышления. Бинарность (лат. *binaries*) – представляет собой внутренне присущий контекст мышления, вытекающий из философского учения о бытие, выступающего необходимым фактором генезиса, функционирования и трансформации. Так, например, гендерная диада архетипов великой матери и великого отца дает нам достаточно полное представление о бинарности [10] и раскрывает явления глубинной психологии.

Анализ имеющейся литературы [1; 3; 7–10; 12–14] убеждает, что термин «архетип» (от греч. *arche* – начало и *typos* – образ) мыслится как «первоначальный образ, идея, отражающая сущность, форму и способ связи наследуемых бессознательных первообразов и структур психики» [11, с. 32–33]. Архетипы в соответствии с принципом бинарности трансформируются в материю и наделяются символами (энергии – разрушения, любви – войны, конфликтов и т. д.), воплощают в себе содержание коллективного бессознательного, которое индивидуализируется в психике конкретного субъекта [1]. Символ отражает смысловые реальности мира, отличается динамичностью их распространения, объективно проявляясь с систем-

ной определенности человека. В сущности символика выполняет роль универсального механизма, обеспечивая синтезирование содержания сознательной и бессознательных сфер психики в символической форме. Психический объект, охватываемый понятием «архетип» представляет собой нечто вроде органов до-рациональной психики и отнесен К. Г. Юнгом к категории превращенных форм. Структуру превращений можно представить в виде «выключения отношений из связей, восполнение его иной предметностью и свойствами – синкретическое замещение предшествующего уровня системы этим формообразованием» [13, с. 76]. Архетипы могут проявляться, например, в виде персоны, имеющей свою точку зрения на события, могущей провоцировать или вступать в борьбу. Более того, они способны приобретать полную самостоятельность (феномен «одержимости»), обнаруживая в поведении элементы архаических ритуалов и мифологических мотивов. Помимо этого, архетипы воспринимаются как внеположные, вторгающиеся во внутренний мир человека (феномен «голосов») извне. Не случайно А. В. Брушлинский и Е. А. Сергиенко указывают на два когнитивных уровня развития: «базовый» (холистический, сенсорно-перцептивный) и «перцептивный» как переход к модально-специфическому типу анализа, – соответствующих двум принципам ментальной репрезентации [3, с. 14–15]. Именно здесь архетипы выступают врожденными психическими структурами коллективного бессознательного и составляют основу общечеловеческой символики. Как утверждает Е. А. Сергиенко, нет ни одной взрослой формы ментальной репрезентации, которая не имела бы своего прототипа, предшествующей формы, архетипа в раннем онтогенезе [7]. Необходимо учитывать во внутреннем образе наличие такого рода подструктур, как «Я-концепция», модель окружающего мира в их сложнейшем взаимодействии и присущую мышлению функцию развития, порождающую рациональные образы разной глубины и обобщенности [8]. В условиях возрастающей структурированности внутреннего мира и появления иных конфигураций рефлексивной организации использование деструктивной архаичной символики может, на наш взгляд, привести

к вторжению информации, которая способна породить разрушительные процессы. Достаточно показательно это просматривается в рамках осмысления механизма влияния криминальной субкультуры.

Образ криминального мира – это отражение в психике человека во многом параллельного предметного мира [6], опосредованного когнитивными схемами сознательной рефлексии. Принцип бинарности в криминальной субкультуре [9] позволяет наряду с ценностями выявить и антиценности. Первые представляют собой акты коммуникации ожидаемого поведения как синтез образцов, усвоенных в ходе фольклорно и вербально закреплённых моделей, различных коммуникативных ситуаций. Использование в криминальной субкультуре как предметных (уголовные татуировки, рисунки, четки, разнообразные символы, отображаемые в домах и других местах жизнедеятельности криминальной среды и др.), так и вербальных символов (криминальное аргю, псевдонимы, «тюремная лирика», клятвы, поговорки, молитвы осуждённых) и знаков раскрывает сущность бытия преступного мира. Совокупность представленных символов образует криминальную символику, которая ориентирована не только на преступников, но и на будущих членов преступного сообщества. Именно образ жизни (отношение к воле, нигилизм и т. д.), стандарты поведения («вора в законе», «смотрящего» и др.) становятся смысловыми конструктами криминальной личности. Пребывание в искусственно созданных законспирированных преступных сообществах формирует у её членов фрагменты мифологического мышления, которое как система рефлексов базируется на деструктивных архетипах коллективного бессознательного.

«Криминальная философия» как система мировоззренческих установок и свод воровских понятий, а также криминальная практика являются значимыми. Память постепенно накапливает информацию о криминальном мире в виде следов, в форме умственных установок, общих идей, понятий, формируя несколько типов мировосприятия (массовое и элитарное, профаническое и сакральное, рациональное и иррациональное). При этом формирование сложной мифологемы криминального пути становится важной

составляющей невербализованных смыслов вора. «Дорожная символика» дополняется идеей крестного пути, жертвенности, страдания, неустроенности, судьбы и набором специфических ментальных характеристик. Представленный в виде знаковых кодов такой порядок функционирует как сложная и самоорганизующаяся антисистема, способная формировать архаическое криминальное сознание. Этому способствуют устойчивые механизмы трансляции обычаев, опыта, иерархии и системы отношений (инициальная обрядовость, игра, свод заповедей, вербальная магия и др.). Рефлексия этих категорий осуществляется в криминальных понятиях мифологической картины мира, что отражается в образах-стереотипах, имеющих фольклорную основу (образы птиц, животных, вещей и т. д.). Смысловая природа криминальной личности, базируясь на психофизиологической функциональной модели, раскрывает связь между низшими и высшими уровнями человеческой индивидуальности, при подстраивании последних под первые [2].

Перспективы архетипической психологии, как справедливо утверждает Дж. Хиллман требуют углубления субъективности. Бессознательность архетипов порождает неопределённость и бесконечность их смысловой структуры, создавая некое поле для их реализации и интерпретации [12, с. 55]. Раскрывая на основе бинарности смыслы, архетипический образ делает их доступными для рационального осмысления. При этом актуализируется проработка проблемы перерождения индивида в рамках трансценденции жизни или личной трансформации с выявлением типичных символов, иллюстрирующих процесс деструктивности. Последнее предполагает проведение квазиэксперимента, целью которого может стать установление закономерностей и фактов становления деструктивной личности.

Библиографический список

1. Аналитическая психология / сост. В. В. Зенковский, А. М. Руткевич. – М.: Мартис, 1997. – 320 с.
2. Березина Т. Н. О многообразии смыслов жизни современной личности // Личность и бытие: субъективный подход. – Краснодар, 2005. – С. 53–60.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СООБЩЕНИЯ

3. *Брушлинский А. В., Сергиенко Е. А.* Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 1998. – 320 с.
4. *Леви-Брюль Л.* Сверхестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
5. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – 368 с.
6. *Марков В. Н.* Человек на пересечении пространств внутреннего и внешнего мира // Мир психологии. – 2009. – № 1. – С. 187–199.
7. *Сергеенко Е. А.* Антиципация в раннем онтогенезе человека. – М.: Наука, 1992. – 144 с.
8. *Собольников В. В., Собольникова Е. В.* Проблемы психологии управления неосознаваемой психической активностью студентов // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 1. – С. 175–179.
9. *Собольников В. В.* Основы криминальной психологии: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГТУ: НОУ ВПО НГИ, 2014. – 243 с.
10. *Сундуй Г. Д.* Архетипические праформы концепта совести в евразийской картине мира в контексте духовно-нравственного становления личности // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 1. – С. 22–25.
11. *Шапарь В. Б.* Новейший психологический словарь / под общ. ред. В. Б. Шапаря. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 808 с.
12. *Хиллман Дж.* Архетипическая психология: пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2006. – 351 с.
13. *Юнг К. Г., Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л. и др.* Человек и его символы / под общ. ред. С. Н. Сиренко. – М.: Серебряные нити, 1997. – 368 с.
14. *Юнг К. Г.* Либи́до, его метаморфозы и символы. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1994. – 416 с.

Sobolnikov Valery Vasilyevich

Dr. Sci. (Pedag.), Prof. of chair of Psychology of Personality and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, vsobolnikovis@gmail.com, Novosibirsk

ARCHETYPAL JUSTIFICATION DESTRUCTIVENESS IN THE CONTEXT OF BINARITY AS A STRUCTURAL PRINCIPLE

Abstract. The article discusses the archetypal problem of the justification of human destructiveness on the basis of such structure-forming principle as binary. Shows the probabilistic relationship between the archetypes and destruction in the context of the theory of C. G. Jung, J. Hillman and others to identify the psychological mechanism of formation. Attempts to extend scientific understanding of the phenomenon of degradation based on the conceptual provisions of copyright. Identifying archetypal protoform based on the principle of binarity as immanent subtext provides a probabilistic allocation of their destructive oppositions. Changes of the inner world under the influence of archetypal criminal symbolism, accompanied, subject to updating, adequate content of meanings and behavior of a destructive nature. This can lead to a deep transformation of the individual, significant self-transformation and awareness of internal intellectual functioning and psyche in General. A new area of legal psychology is seen as a potential opportunity in the analysis of the motivational problems of determination of criminal behavior destructive of personality and involuntary regulation of higher forms of destructive behavior.

Keywords: psychology of destructiveness, binary, archetype, conceptual provisions, criminal symbolism, the criminal world, the semantic nature, reflection, mental representation.

Поступила в редакцию 22.05.2015